

ИСПОВѢДЬ

А
Иллюстрированное бесплатное приложение къ Январской книгѣ «Вѣстника
Иностранной Литературы» 1901 г.

Ж. - Ж. РУССО

ИСПОВѢДЬ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

МОРИСА ЛЕЛУА,

портретомъ Руссо и критико-біографическимъ очеркомъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

подъ редакцію С. С. Трувачева

А. Л.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16

1901

А

Дозволено цензурою. Спб. 18 Декабря 1900 г.

Жанъ-Жакъ Руссо, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ, МЫСЛИТЕЛЬ И ЧЕЛОВѢКЪ. КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Руссо былъ больше и меньше, чѣмъ философъ: онъ былъ сѣятелемъ идей и открывателемъ источниковъ. При этомъ всѣ посянныя имъ идеи дали цвѣтъ.

Амшель.

Руссо былъ глубокомыслящимъ, возвышеннымъ, даже благороднымъ, но плачевно не уравновѣшеннымъ смертнымъ, который, однако, отличался такимъ пророческимъ предвидѣніемъ, какъ никто.

Карлэйль.

Двадцать два года тому назадъ, лѣтомъ 1878 года пишущій эти строки присутствовалъ въ Парижѣ на столѣтнемъ юбилейѣ Жанъ-Жака Руссо. Во всѣхъ шумныхъ торжествахъ, во всѣхъ блестящихъ рѣчахъ знаменитыхъ ораторовъ, какъ Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Мадье-де-Манжо и т. д., наиболѣе поразилъ его тотъ горячій, живой потокъ сочувствія, который соединялъ всѣхъ участниковъ юбилея, принадлежавшихъ къ различнымъ поколѣніямъ XIX вѣка, съ чествуемымъ мыслителемъ предъидущаго столѣтія. Въ общемъ характерѣ праздника и въ каждой отдѣльной его чертѣ обнаруживалась тѣсная связь, соединявшая всѣхъ его участниковъ съ ихъ общимъ учителемъ. Въ сверкавшихъ всѣми цвѣтами радуги фразахъ Виктора Гюго, въ изящномъ академическомъ краснорѣчьи Луи-Блана, въ пламенныхъ возгласахъ Мадье-де-Манжо, одного изъ трибуновъ 1848 г., одинаково слышался отголосокъ автора «Эмиля» и «Общественнаго договора». Трудно было вѣрить, что юбиларъ умеръ сто лѣтъ тому назадъ, такъ

онъ былъ живъ въ своихъ потомкахъ, такъ ихъ одушевлялъ его гений. Но не только передовые представители современной интеллигентной Франціи чествовали Руссо какъ живого, близкаго, родного имъ сѣтеля тѣхъ идей, жатву которыхъ они собирали, но даже рабочіе и мальчишки на улицахъ Парижа понимали внутренній смыслъ торжества и кричали: «Слава тому, кто подготовилъ нашу революцію». Очевидно, эти народные крики были осмысленнымъ эхо того восклицанія, которое невольнo вырвалось изъ груди одного волонтера 1792 года: «О, Жанъ-Жакъ, отчего ты не присутствуешь при нашей революціи? Ты былъ ея провозвѣстникомъ; твои писанія насъ просвѣтили!».

Но не только революція 1789 года, а весь послѣдующій прогрессъ въ политикѣ, общественной жизни и литературѣ Франціи и Европы обязанъ многимъ влиянію Жанъ-Жака Руссо. Конечно, Наполеонъ перехватилъ черезъ край, увѣряя, что не было бы революціи, если бы не было автора «Общественнаго договора», но безспорно, что всѣ главные дѣятели революціи, какихъ бы убѣжденій они ни держались,—Мирабо и Лафайетъ, г-жа Ролланъ и жирондисты, Робеспьеръ и якобинцы, Дантонъ и Маратъ,—одинаково были учениками Руссо, которому, однако, нельзя приписать крайностей революціоннаго террора, также какъ, по мѣткому выраженію Жоржъ-Зандъ, нельзя обвинять Евангеліе въ Варооломеевской рѣзнѣ. Политическое влияніе Руссо продолжалось во Франціи въ теченіе всего XIX вѣка и имѣло отголосокъ въ другихъ странахъ, въ особенности же въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ создатели американской конституціи, преимущественно Джеферсонъ, руководствовались идеями «Общественнаго договора».

Еще шире было влияніе воспитательныхъ теорій автора «Эмиля». Оно распространилось по всему свѣту. Гёте называлъ «Эмиля» «естественнымъ Евангеліемъ воспитанія», а Гердеръ не могъ подыскать достаточныхъ похвалъ для «Божественнаго Эмиля». Песталоцци и Фребель распространили идеи Руссо во всѣхъ школахъ Европы и онѣ незамѣтно преобразовали всѣ педагогическія системы. Наконецъ, во всесвѣтной литературѣ творецъ «Новой Элоизы» и «Исповѣди» сыгралъ такую выдающуюся роль, что его лучезарный слѣдъ замѣтенъ до сихъ поръ во многихъ произведеніяхъ современной литературы. Во Франціи его прямыми послѣдователями были Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ, Шатобрианъ, Ламартинъ, Жоржъ Зандъ, Мишлѣ, Луи-Бланъ и т. д., а косвенными—всѣ романтики, не исключая Виктора Гюго и Мюссе. Въ Германіи Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, Жанъ-Поль Рихтеръ, Кантъ, Фихтѣ, Шелингъ, Гегель болѣе или менѣе, съ той или другой стороны поддавались его влиянію. Въ Англіи Гольдсмитъ, Байронъ, Вордсвортъ, Рескинъ черпали въ немъ свое вдохновеніе. Даже въ Россіи Новиковъ, Карамзинъ и многіе передовые литературные дѣятели XVIII и XIX вѣковъ нравственно развились на «Новой Элоизѣ» и «Эмилѣ», а Пушкинъ, называвшій Руссо «защитникомъ вольности и правъ», не только создалъ типъ Алеко въ «Цыганахъ» подъ его влияніемъ, но и является прямымъ его послѣдователемъ въ извѣстныхъ строфахъ:

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ.

Наконецъ, Тургеневъ, какъ пѣвецъ въ прозѣ природы и гуманности, очевидно, слѣдовалъ по стопамъ того великаго поэтического прозаика, ко-